

Д. Чугунов

*Чем же было это «прошлое»?
(о феномене ГДР
в немецкой литературе 1990-х годов)*

Давая в 1999 г. интервью корреспонденту журнала «Шпигель», Т. Бруссиг удивленно воскликнул: «Существуют Интернет, цифровая революция, мелкие спекулянты на бирже, рейтинги, немецкие солдаты, вновь участвующие в войне, “новый средний класс”. Однако на Востоке продолжают говорить только о Востоке, как будто время здесь остановилось»¹. Продолжая его мысль, стоит задать вопрос: есть ли этому серьезное объяснение, не сводимое лишь к рядовым воспоминаниям о минувшем? По каким причинам восточногерманское прошлое притягивает к себе взгляды, превращаясь в одну из наиболее популярных и востребованных проблем современной немецкой литературы (не только 1990-х гг., но и начала XXI в.)?

Литературовед Ф. Хаге в одной из статей указал на обстоятельство, исключительно важное для понимания тенденций современного литературного процесса: «В 1990-е годы — это было неоднократно описано — в Германии разрушились многие политические и вытекающие из них культурные представления, за которые цеплялись, в частности и в особенности, интеллектуалы и писатели»². Объединение двух немецких государств изменило приоритеты жизни, предопределив для граждан новой Германии настойчивые поиски собственной национальной идентичности в меняющейся свое лицо Европе. Своего осмысления потребовало в силу этого и прошлое ГДР, причем не только в вопросах судебного преследования сотрудников «штази», но и в том, что затрагивало проблемы культурной памяти и значения восточногерманского опыта для настоящего. Это обстоятельство можно назвать «новым этапом истории памяти»³, нашедшим свое отражение в новейшей немецкой литературе. В большей степени эта рефлексия, конечно же, проявилась в литературе востока Германии, однако и многие из рожденных в западных землях также обратились к осмыслению исторического и культурного феномена ГДР. При этом неожиданно выяснилось, что «историческое сознание обнаруживает не только ког-

нитивные, но и эмоциональные измерения, которые могут находиться с когнитивными в резком противоречии. Иными словами, знания об истории и употребление этих знаний — не одно и то же»⁴.

О ГДР пишут молодые и родившиеся на востоке Германии около 1970 г. А. Кубичек, Я. Хензель, Ю. Шох, Я. Хайн, Т. Бруссиг и другие⁵. Несомненно личная затронутость темой и писателей старших поколений: К. Вольф, Й. Шпаршу, К. Хайна, Ф. Брауна и других... В любом из конкретных случаев это *личное* прошлое проецируется на настоящее, рождая размышления о причинах и следствиях тех или иных событий, о возможности системного постижения происходящего в современной Германии.

На общем фоне эйфории германского объединения эта тема была до некоторых пор не вполне востребована. Еще до событий 1989 г. в общественном сознании сформировались два устойчивых образа ГДР. Первый из них был официальным образом процветающего «государства рабочих и крестьян». Второй, существовавший на Западе, состоял из устойчивых деталей-символов, показывавших убогое несовершенство жизни восточных немцев; при этом чаще всего вспоминались товарный дефицит социалистического общества, заорганизованность официальной жизни, неравномерность распределения жизненных благ, диктат органов госбезопасности и, наконец, как символ всего сразу, — Берлинская стена, отделяющая ГДР от «свободного» мира.

Стремительное вхождение Восточной Германии в состав ФРГ оказалось причиной сложного психологического комплекса в отношениях жителей «старых» и «новых федеральных земель». Неудивительно, что менялись некоторые акценты в звучании темы ГДР, исследование восточногерманского прошлого стало неизменно увязываться с исследованием западно-восточного немецкого противостояния и последующего объединения. Изображение жизни в «государстве рабочих и крестьян» постепенно теряет свою шаблонную предопределенность и наполняется более глубоким, подчас философским содержанием. Так, характерный образ *разности культурных пространств* видим мы у Кристи Вольф, когда одна из ее героинь вспоминает о своем визите в Западный Берлин через пограничный пункт «Вокзал Фридрихштрассе». Она оказалась «у выхода из этой единственной в своем роде постройки, воздвигнутой над воротами в антимир и из антимира...»⁶.

Длительное противостояние немецких государств в ходе «холодной войны» породило в настоящем иллюзии победы, с одной стороны, и чувство поражения — с другой, а скорость объединения только способствовала сохранению взаимной недоверчивости. Литература быстро уловила эти настроения. Сошлемся здесь в качестве примера на ситуацию из рассказа Д. Дёрри «Хорошая карма из Цшопау». Его героиня Шарлотта, жительница баварской столицы, хочет снова выйти на работу и выбирает для

своей двухлетней дочке няню. Она колеблется между Эугенией из Турина, Доротой из Варшавы и Анитой из Цшопау — с востока страны. Сам по себе ряд гувернанток очень показателен: Восточная Германия для героини — такая же *terra incognita*, такая же чужая страна, как и Польша с Италией. В основе повествования — столкновение миров: Шарлотта хочет помочь Аните, в том числе и материально, но ее неосознанно пугает все, что связано с бывшим социалистическим блоком. «Любая страна в Южной Америке, любой штат в США внушает мне больше доверия, чем Восточная Германия... Шарлотта хихикнула»⁷. Героиня и географию-то бывшего соседа представляет себе чрезвычайно слабо. Причина такого страха понятна: для ГДР у людей ее круга всегда имелось другое обозначение — Зона (“Zone”).

Особая ментальность жителей Восточной Германии стала предметом пристального внимания литературы с самого начала 1990-х гг. И *ключевые вопросы*, волновавшие писателей и публицистов 1990-х гг., прояснились сразу же. «Что есть Запад, что есть Восток? Мы определяем эти понятия географически, исторически или через злобу дня? Или по настроению?» — резюмировала общественные искания К. Шмидт в статье «В мелководном море утопии»⁸. На суперобложке своей книги “*My Generation*” (1991) К. Дикман поместил знаковый в этом отношении текст: «Мы существуем в двух временах. В настоящем мы всего лишь в гостях. Некая часть нашего естества обитает за временным рвом, незнакомым Западу: в мире до 1989 года. Это удваивает нам Вчерашнее и Сегодняшнее. Подобное широкое понимание современного момента обеспечивает Востоку преимущество, в то время как Запад думает, что Восток все десятилетие хромал позади него»⁹.

Начиная со второй половины 1990-х гг. массовыми тиражами стали выходить справочники, посвященные истории и культуре ГДР. Обратим внимание, например, на сборник «Дикий Восток», выпущенный в свет Р. Кохом. Исследование быта, форм социального поведения, ментальных структур «поколения Трабант» легли в основу его концепции. Под одной обложкой оказались 26 молодых авторов с их автобиографическими рассказами о детстве и юности в ГДР. Внимание к первоисточнику, опора на личные свидетельства стали тем, что способствовало лучшему пониманию уникальных феноменов восточногерманской жизни: бытовых — яслей, организации FDJ, отпуска в Венгрии, ментальных — поиска на черном рынке настоящих джинсов и пластинок с западной музыкой, общественных — развития и существования каменноугольной и автомобильной промышленности, политических — деятельности Хонеккера и Кренца... «Бывший восток превратился в настоящее Эльдorado для рассказчиков, — писал в статье “Правда прачек” Ш. Волле. — По ту сторону официальной истории обозначилась живая поэзия воспоминаний,

которая часто неправильно воспринималась как ностальгия. Она стремилась зафиксировать то, что наличествовало здесь: образы, запахи, жесты, чувства, слова. Абстрактным категориям, наподобие “неправового государства” или “тоталитарной диктатуры”, она предпочла что-то конкретное. Спросом пользуются книги или выставки предметов быта, интерьеров или комиксов. Посредственный “Лексикон будней ГДР” Штефана Зоммера нарасхват. Фильмы студии “Дефа” уже давно превратились в культовые, а в Интернете существует биржа коллекционеров меню или проездных билетов ГДР»¹⁰. Внимание к быту ГДР, «когда даже банты в волосах повязывались иначе» (Я. Хензель), — естественная часть нового подхода к изучению прошлого, принципы которого складывались еще в трудах школы «Анналов».

В новом столетии продолжают выходить и пользоваться успехом книги, посвященные особому наполнению восточногерманской жизни, — такие, например, как «Толстая книга о ГДР» (2002). Под их обложкой скрываются типично восточногерманские анекдоты, биографические справки о знаковых персонах прошлого — от Й. Бехера до М. Вольфа, статьи о лексиконе того общества... В подобных изданиях заметны как ирония в адрес прошлого, его переосмысление в шутовском духе, так все же и «остальгия» по ГДР. Назовем здесь хотя бы книгу В. Энглера «Восточные немцы» (2000), которая ориентирована на то, чтобы показать и доказать «западным» немцам: в ГДР тоже было много достойного внимания! Автор повествует не о «преступниках» и «жертвах» прошлого, а о поэзии движения к социалистическим идеалам, о культуре общества, которое развивалось...

При этом следует выделить особый аспект темы, затрагивающий исследование тоталитарной модели государственного устройства, реализованной в 1949—1989 гг. на востоке Германии. Публичное требование «трибунала» применительно к истории ГДР было впервые высказано рядом восточногерманских правозащитников в 1992 г.¹¹ Последовавшая за этим кампания обсуждения прошлого показала, как деликатна данная тема и как часто возникают спекуляции вокруг нее. Так, например, внимание к тоталитарному характеру восточногерманского государства неожиданно открыло проблему его мнимой / действительной антифашистской сущности, кроме того, привело к рождению термина «вторая диктатура»... И если для левых мыслителей (Ю. Хабермас, В. Йеккель) сравнение ГДР с нацистским государством представляло явную историческую нелепость, то интерес других к исследованию феномена тоталитаризма¹² в мировой истории невольно приводил к конструируемому тождеству — «режим ГДР = сталинизм = нацизм». В 1991 г. К. Вольф в письме к В. Тирзе высказала скорбное предчувствие, что вместо критического анализа и самоанализа, вместо поисков справедливости исследование вос-

точногерманского прошлого грозит обернуться лицемерным фарсом¹³. Правда ее опасений окончательно подтвердилась спустя три года, когда даже федеральный президент был вынужден призывать к тому, чтобы не ставить огульно клеймо пособников диктатуры на *всех жителях* ГДР¹⁴.

Обращаясь к теме восточногерманского прошлого, укрепившейся в 1990-е гг. в немецкой литературе, современные писатели чаще всего не вдаются в социологические и политологические тонкости проблемы, их интересует в первую очередь духовная атмосфера минувшего времени, они открывают читателю нюансы *малых, личных историй* граждан ГДР, без чего никакие официальные исторические конструкты не могут обрести необходимой полноты и убедительности. При этом *разница* отношения к восточногерманской истории, ощущаемая в оценках писателей разных поколений, сама по себе является показательной для понимания сложности, возникающей при художественном освоении темы исчезнувшего государства.

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на духовную растерянность, свойственную, по вполне понятным причинам, писателям, своими руками строившим социалистическое государство или же родившимся в ГДР на самой заре ее истории. Ф. Браун, К. Вольф, Г. Кант и другие критично относились к недостаткам в общественной жизни своей страны и не боялись вслух говорить об этом. Однако они никогда не допускали и мысли, что ГДР может исчезнуть, и связывали веру в социальный прогресс с идеей социалистического государства, постоянно развивающегося и совершенствующегося. Их тексты показывают: критика восточногерманского общества никогда не превращалась у них в отрицание социализма.

Т. Бруссиг в романе «Герои, как мы» (1995) очень метко определил психологию старшего поколения: «Они выползли из развалин тысячелетий. Страх перед воздушными налетами засел у них так глубоко в костях, что они и сегодня во время любого фейерверка думают о зенитках. Они голодали. Наиболее совестливые из них страдали от ощущения собственной немецкости. Им ведь предъявляли Бог знает какое прошлое, да еще перед глазами было безрадостное настоящее. Но зато будущее! Оно было реальным!»¹⁵ И постройка плотины «Зоза» или осушение Фридендеровских лугов впервые вселили в *то поколение* чувство гордости за себя. И они, зная тепло лагерных костров и сладость мечтаний о будущем, спутали свои мечты с *социализмом*.

Грустные размышления Ф. Брауна, Г. Канта и других о прошлом действительно можно объяснить в первую очередь тем, что они стали свидетелями крушения не только и не столько *государства*, сколько утопической *мечты*, веры в осуществление утопических идеалов. “Was Ich niemals besaß wird mir entrissen. / Was Ich nicht lebte, werd Ich ewig missen”, — писал Браун¹⁶. По верному замечанию Р. Зоммер, подобные Брауну люди

«пытались усидеть в шпагате между реальным социализмом, который они подвергали критике, и идеальным, теоретическим социализмом, которому они были верны»¹⁷. Однако ход событий после 1989 г. очень скоро показал, что мечты интеллигенции о новом социализме не разделяются гражданами ГДР и что «последний шанс»¹⁸ на сохранение восточногерманского государства, на который многие надеялись, — построение так называемого «социализма с человеческим лицом» — был утерян.

Сложность процесса приспособления писателей бывшей ГДР к новым общественным и политическим условиям была предопределена не только утратой привилегированного статуса, который имела интеллигенция в Восточной Германии, утратой привычной, центральной роли «воспитателя общества». Главной проблемой, над которой приходилось задумываться восточногерманским писателям старшего поколения в 1990-е гг., стала мучительная невозможность ответить на вопрос: что же именно было упущено в социалистическом прошлом? Их объединяло сознание личной ответственности за нереализованные возможности. Героиня М. Марон в «Письмах Павла» (1999) лишь при крахе ГДР задумалась, за то ли государство она боролась. Могут ли теперь он и его поколение рассуждать о прошлом, задавал вопрос Ф. Браун в речи по поводу вручения ему Бюхнеровской премии. К. Хайн уже в 1990 г. с горечью признал: «Так называемый реально существовавший социализм, в сопоставлении с представлениями, с масштабами мифа о социализме, был лишь карикатурой, преступлением и обманом»¹⁹. Здесь же следует обратить внимание на вынужденное признание К. Вольф, сделанное в том же 1990 г.: длительная работа интеллектуальной элиты, к которой принадлежала и она сама, увы, не смогла придать жителям Восточной Германии необходимой внутренней, духовной независимости. Именно по этой причине на глазах исчезли шансы «на новое начало»²⁰. В то же время К. Вольф не слагает с себя ответственности за происходящее:

Жалобы и самосожаление я принимаю за ошибку, уместнее вопрос: сложим ли мы с себя ответственность или станем работать на будущее...

И я спрашиваю себя: чем окажется история этих сорока лет, которые не были фантомом, но оставили после себя фантомную боль? Кто еще захочет представить публично скорбь, стыд, раскаяние многих людей, о которых я узнаю из их писем, из взгляда их глаз, которые нахожу в себе самой, если все озабочены улучшением материальных условий?..²¹

Духовное смятение многих жителей бывшей ГДР хорошо запечатлелось в трагичной повести Кристи Вольф «На собственной шкуре» (2002), действие которой происходит, по всей видимости, уже на излете правления Хонеккера. Героиня попадает в больницу, где в тяжелом состоянии ожидает лекарства, которое должно спасти ее, но которое срочно требует-

ся привезти из-за границы. Борьба за собственную жизнь, нежелание поддаться смертельной болезни проецируются в ее сознании на упорную борьбу за построение общества социальной справедливости в ГДР. Почему именно в ее обществе нет нужного лекарства?.. Почему в ее обществе нет многих важных для личности вещей?..

Трагизм ее размышлений о «республике рабочих и крестьян» с необыкновенной силой прорывается в беседе, состоявшейся между безымянной героиней и ее знакомым, навесившим ее в клинике:

Помолчав, она сказала: «Ты ведь понимаешь, что это значит, когда можно выбирать только между ложными альтернативами».

Он понимал. И посоветовал ей наконец оставить надежду на невыполнимое, а тем самым и бесплодное сопротивление, которое, по всей видимости, основывалось на иллюзии, что она еще способна что-то изменить. Это ребячество.

«Новый Мефистофель, — сказала она. — Искушение не бессмертием, а бездействием. По-твоему, стало быть, все пропало».

«Да, по крайней мере, в эту эпоху. Она не годилась для нашего эксперимента. И мы тоже не годились, особенно мы»²².

Сложный комплекс устойчивых личных переживаний, связанных с исчезнувшим прошлым, с привязанностью к *той* жизни, зачастую приводил к возникновению в бывших гражданах (и писателях) ГДР ощущения собственной ненужности в настоящем²³. Это стало в определенном смысле настоящей проблемой, как замечательно показывает Й. Шпаршу в романе «Комнатный фонтан» (1995). Его рассказчик, человек средних лет, замечает: «С новинками я сталкивался чуть ли не каждый день. За последние три года вокруг меня все постоянно менялось и обновлялось. Не выходя из квартиры, я покинул родину (точнее, она меня покинула)»²⁴. В этом случае легко предугадать то, что овладевало человеком: рассказчик «чувствовал себя последним могиканином и, выходя... на прогулку, упорно насвистывал любимую песню пионерских времен: “Вставай, проклятьем заклейменный...”»²⁵ Прежде работник коммунального хозяйства, после объединения он стал влачить неприглядное существование безработного. Ощущение собственной социальной невостребованности приводило его ко все усиливающейся замкнутости, самоизоляции от меняющегося общества.

По-иному опыт ГДР осмысляли молодые авторы. Их суждения острее, и интонации в изложении многих фактов и событий у них совершенно другие, особенно заметно это «у молодых, чьи мембраны еще полностью открыты» (Ю. Хабермас)²⁶. На минувшее они взирали «со стороны», зачастую — подчеркнуто иронично. Принципиально иной оказывалась эмоциональная составляющая повествования, многие сюжетные ситуации намеренно заострялись, тяготая порой к гротеску и клише.

Показателен в этом отношении культовый роман Т. Бруссига «Герои, как мы» (1995). Его мгновенно перевели на несколько других языков и к тому же создали его театральную версию. В этом произведении ярко отразились новые художественные устремления эпохи «после объединения», оно стало определенной «точкой отсчета»²⁷ в новой литературной истории. Принадлежа к писателям другой возрастной и идейной формации, этот автор, обращаясь к теме жизни в ГДР, не испытывал той «болезни горла», о которой метафорически поведала К. Вольф в эссе «Данные осмотра»²⁸.

Т. Бруссиг создал одного из интереснейших героев литературы последних лет, своеобразного собрата знаменитому грассовскому персонажу из «Жестяного барабана». По замечанию Р. Симановски, «не печаль по прошлому и не его обвинение является авторской задачей. Здесь он... набросал *портрет человека эпохи тоталитаризма* с “Песней маленького барабанщика” на устах, который в социальном отношении подходил ко всем, выросшим в ГДР»²⁹.

Образ ГДР выдержан в романе в ироничном стиле, и уже это — принципиальная новизна, ее точно охарактеризовала Б. Зихтерманн: «Литература ГДР была серьезной. Ведь мало над чем можно было посмеяться»³⁰. В произведении Бруссига присутствует определенный психологический допуск, благодаря которому он гиперболизирует неприглядные ситуации прошлого, доводит их изображение до гротеска. Бруссиг показывает, как мало возможностей для самореализации незаурядной личности предоставляла упорядоченная социалистическая действительность. Он безжалостно и точно изображает чувства и переживания типичного жителя социалистического лагеря — привыкшего жить по заданным правилам, испытывающего благоговейный трепет перед *властью* и т. п. (Сейчас мы отлично понимаем, что забвение человека *единичного, частного*, игнорирование его индивидуальных запросов и мнения приводили к незаметному отрицанию вообще *человеческого* в истории, к превращению человека в винтик общественной системы.) «Система не была бесчеловечной, — признает герой Бруссига. — Но она была враждебной человеку. Все заканчивалось не по-человечески, а противно человеческому»³¹. Автор настойчиво наводит своего читателя на мысль о теснейшей связи между идеологической уродливостью самой системы и теми неестественными, уродливыми формами поведения и мышления, которые возникали вследствие этого в обществе. Именно поэтому отрицательная составляющая образа Клауса Ульцшта, по сути, вызывает не отвращение, а своеобразное сочувствие. Этот персонаж не сам по себе такой ужасный, он — продукт действительности ГДР! Отчаяния преисполнен крик рассказчика: «Я не делал ничего такого, от чего меня бы предостерегали мои учителя и ведущие телепрограмм! Я всегда делал то, что хотели другие! Я никогда не делал того, что я хотел, иначе я был бы счастлив!»³²

Таким образом, далеко не «лирическое» прощание с прошлым открывается в этом романе. Воссоздаваемые тенденции жизни восточногерманского прошлого — единомыслие, боязнь идеологических ошибок, особая роль в обществе госбезопасности и другое — выступают как черты времени, не открывающие в прошлом ничего нового, но *безоговорочно перечеркивающие его*. Смех Бруссига горек, но направлен он против системы, а не против человека. Особенную горечь доставляет ему смутно осознаваемое идейное банкротство целого поколения.

В иной манере тот же автор решает «проблему ГДР» в маленькой изящной повести 1999 г. «Солнечная Аллея». Тональность повествования здесь более серьезная, порою — лирическая, позволяющая предположить испытываемую легкую ностальгию по утраченному, а также указывающая на многоаспектность проблемы. Уместно предположить здесь значимость временной дистанции, все дальше уводящей нас от событий прошлого. «Память человеческая способна творить чудеса и примирять человека с прошлым, изгоняя из его души весь былой ужас и укрывая мягкой пеленой ностальгии все, что прежде нестерпимо резало ухо и глаз, ум и душу, — пишет Бруссиг. — Так что у счастливых людей плохая память и хорошие воспоминания»³³.

Примечательно, что новейшая немецкая литература все чаще показывает, что *тоталитарные черты* общественного уклада ГДР не были исключением и для Западной Германии. Так, в «Моем столетии» Грасса в главе «1956» нарисована одинаково трагичная ситуация великих Брехта и Бенна, вынужденных олицетворять собой определенную идеологию. В автобиографическом романе Эмине Севги Эздамар «Мост через бухту Золотой Рог» показано, как ни в одном из немецких государств не могли позволить себе неконтролируемого свободомыслия, потому что все упиралось в уже известную проблему «тотального врага» по другую сторону границы.

Еще более резко о схожести систем в части подавления личности написала Юлия Франк в романе «На реках вавилонских» (2003). Это произведение имеет несомненную автобиографическую основу и словно бы подытоживает все размышления о тоталитарном прошлом ГДР. Речь в нем идет об особом *духе эпохи идеологий*, следы которого можно заметить в любом обществе второй половины XX в. И история ГДР — всего лишь единичный, отнюдь не уникальный пример того, как этот дух сказывался на существовании обычного человека.

Насколько актуален и перспективен отмеченный аспект темы ГДР в немецкой литературе? Можно констатировать, что исследование проблемы тоталитаризма на примере общественного устройства ГДР расширяет и углубляет нашу способность к дискуссии не только вокруг прошлого, но и вообще относительно тех тоталитарных (ультраправых и расистских) опасностей, что подстерегают современное индустриальное общество и

современную демократию. Как заметил Я. Хайн, познание истории ГДР чрезвычайно поучительно для настоящего, и особенно — для жителей так называемых «старых федеральных земель». Через познание истории ГДР легче понимать, что такое извращения в сфере «идеологии». «В этом состоит недостаток многих с запада: они думают, что идеология их не затрагивает, что на западе все супер, — смеется Хайн. — И потом показываешь им страничку старой речи Аденауэра, а они думают, что это сказал Ульбрихт»³⁴. Здесь также уместно вспомнить дрезденскую речь К. Вольф («Прощание с фантомами»), в которой находится интересный комментарий к трактовке истории ГДР *западными* немцами. Будь *они* поставлены в *такие же* условия, не стали бы и они *такими же*, риторически спрашивала писательница³⁵.

Подводя итог, отметим, что 1990-е гг. в значительной части прошли под знаком разоблачения бывшей политики ГДР. Это не могло не отразиться и на литературной жизни, вызвав, в частности, серьезнейший идейный, мировоззренческий кризис в сознании многих восточногерманских авторов старшего поколения, повлекший за собою годы творческого молчания или эмиграцию из страны. Однако и молодые — вместе с открывавшимися перспективами будущего — неожиданно лишились своей прежней страны, у них стал меняться образовательный стандарт и поменялись привычные условия работы, благодаря воспитанию в атеистическом государстве они были не особенно сильны в вере...³⁶

Не в последнюю очередь именно неудовлетворенность германским настоящим обратила взоры писателей, социологов, историков, публицистов в сторону прошлого, обусловила попытки понять сам феномен Германской Демократической Республики, продолжающий жить в общественном сознании нынешних граждан ФРГ. К. Вольф в середине 1990-х гг. сказала, что она по-прежнему надеется на честную по отношению к самим себе, глубокую внутреннюю работу ее рядовых сограждан. Внимание общества теперь должно быть устремлено не к тем колоритным «злодеям» из прошлого, о ком очень удобно и выгодно вести речь и в то же время обсуждение деяний которых ничего не прибавляет к пониманию сущности зла, а к «не так уж обремененным чем-то, не отличающимся особенным героизмом “нормальным” людям, которые через трезвое исследование собственной биографии могли бы обрести свою свободу»³⁷.

¹ *Der Spiegel*. 1999. 8 nov. S. 54. Здесь и далее перевод наш. — Д. Ч.

² Хаге Ф. Чувства, погребенные под обломками. Как немецкие писатели справлялись с темой бомбежек // Неприкосновенный запас. 2005. № 2—3. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha38.html>

³ Кёниг Х. Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ // Там же.

⁴ Вельцер Х. История, память и современность прошлого: Память как арена политической борьбы // Там же.

⁵ См.: *Generation* Trabant. Angekommen im neuen Deutschland? “Zonenkinder” im Gespräch // *Die Welt*. 2002. 9. Nov. [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.welt.de/daten/2002/11/09/1109lw367197.htx>

⁶ Вольф К. На своей шкуре // Иностранная литература. 2003. №9. С. 14.

⁷ Dörrie D. Gutes Karma aus Zschopau // Dörrie D. Bin ich schön? Zürich, 2002. S. 11.

⁸ Schmidt K. Im Wattenmeer der Utopie // *Der Freitag*. 2000. №28. [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.freitag.de/2000/28/00281601.htm>

⁹ Цит. по рец. на кн.: *Dieckmann Chr.* My Generation [1991] [Electronic resource]. Mode of access: http://www.amazon.de/exec/obidos/tg/stores/detail/-/books/386153195X/reviews/ref=cm_rev_more/028-6583645-3339718#4

¹⁰ Wollé S. Waschputzis Wahrheit // *Die Zeit*. 2000. №46. [Electronic resource]. Mode of access: http://www.zeit.de/archiv/2000/46/200046_dt_einheit.xml

¹¹ *Tribunal* zur DDR-Vergangenheit // *Frankfurter Rundschau*. 1992. №19. S. 11.

¹² См.: *Leggewie C., Meier H.* Zum Auftakt ein Schlußstrich? // *Wir Kollaborateure: der Westen und die deutschen Vergangenheiten*. Reinbek bei Hamburg, 1992. S. 55.

¹³ См.: *Wolf Chr.* Zwei Briefe // *Auf dem Weg nach Tabou: Texte 1990—1994*. Köln, 1994. S. 80—82.

¹⁴ В официальной версии специальной комиссии бундестага ФРГ вся история Восточной Германии превратилась в историю «тоталитарной диктатуры» и «тоталитарного режима», а Райнер Аппельман, председатель комиссии, сотворил новый 60-летний конструкт, соединив историю ГДР с историей гитлеровской Германии (1933—1993). См.: *Deutscher Bundestag*: 12. Wahlperiode. Drucksache 12/7820. 1994. 31. Mai. S. 5f., 18ff., 281ff.

¹⁵ *Brussig Th.* Helden wie wir. Fr. a/M, 1998. S. 287.

¹⁶ См.: *Braun V.* Das Eigentum. [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.lyrikline.de>

¹⁷ *Sommer R.* Volker Braun: das Eigentum [Rezension]. [Electronic resource]. Mode of access: http://www.uni-essen.de/literaturwissenschaft-aktiv/nullpunkt/rtf/braun_eigentum.rtf

¹⁸ Слова К. Хайна. См.: *Hein Chr.* Chronist ohne Botschaft. Berlin; Weimar, 1992. S. 44.

¹⁹ *Christoph Hein*: Texte, Daten, Bilder. München, 1990. S. 27.

²⁰ См.: *Wolf Chr.* Zwischenrede // *Auf dem Weg nach Tabou*. S. 19.

²¹ *Ibid.* S. 21.

²² *Вольф К.* На своей шкуре. С. 70.

²³ И. В. Гладков приводит в пример характерные слова К. Хайна о том, что в новой Германии он чувствует себя не востребованным, а скорее «использованным». См.: *Гладков И. В.* Проза Кристофа Хайна в контексте немецкой литературы последней четверти XX века. М.; Новополюцк, 2002. С. 44.

²⁴ *Шпаршу И.* Комнатный фонтан. СПб., 2004. С. 49.

²⁵ Там же. С. 50.

²⁶ Из письма к К. Вольф от 26.11.1991 г. Цит. по.: *Wolf Chr.* Vom Geräck deutscher Geschichte: Jürgen Habermas an Christa Wolf // Auf dem Weg nach Tabou. S. 140.

²⁷ *Неупокоева И. Г.* История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. М., 1976. С. 341.

²⁸ *Wolf Chr.* Befund // Auf dem Weg nach Tabou. S. 192.

²⁹ *Simanowski R.* Die DDR als Dauerwitz // NDL. Zeitschrift für deutschsprachige Literatur und Kritik. 1996. № 2. S. 157.

³⁰ *Sichtermann B.* Kekse am Körper // Die Woche. 1999. 24. Sept.

³¹ *Brussig Th.* Op. sit. S. 105.

³² *Ibid.* S. 282.

³³ *Бруссиг Т.* Солнечная аллея. М., 2004. С. 187.

³⁴ См.: Generation Trabant...

³⁵ См.: *Wolf Chr.* Abschied von Phantomen. Zur Sache: Deutschland // Auf dem Weg nach Tabou. S. 332.

³⁶ См., напр., произведение Ю. Франк «На реках вавилонских» — о сложностях вхождения восточных немцев в западный мир.

³⁷ *Wolf Chr.* Abschied von Phantomen... S. 336.

